

Мо Цзюцзюнь сказал:

— Привести всех свидетелей в зал суда.

Несколько крепких стражников в зале тут же бодро отправились задерживать людей.

Матушка Хуа, прикрывая лицо, причитала:

— Господин уездный судья, вы обязательно должны рассудить за нашу Хуахуа! Хоть она и первая красавица моего «Терема Хуахуа», она всегда была доброй и порядочной девушкой, берегла себя, всегда продавала только искусство, а не тело. Мой «Терем Хуахуа» хоть и открыт для бизнеса, но я никогда не принуждаю девушек, если они не хотят принимать гостей, я не заставляю.

Мо Цзюцзюнь счёл её докучливой и махнул рукой. Один стражник грубым платком заткнул ей рот, и она осталась сидеть со слезящимися глазами, безмолвно.

Чай Цзыжань, видя, как она хочет убрать грубый платок, сказал:

— Тебе лучше не шевелиться, а то... — Молча взглянул на Мо Цзюцзюня, напоминая:

— Наш уездный судья Суюй не любит шуток!

Матушка Хуа пришлось опустить руку, её глаза то и дело смотрели на распахнутые двери зала суда, во взгляде таилась ненависть — ей хотелось схватить всех негодяев, обидевших девушку Хуахуа, и утопить в свиной клетке.

Примерно за время, за которое стораёт одна благовонная палочка, крепкий стражник втащил в зал суда мясника Чжу с ножом для забоя свиней в руке. В другой руке он держал недоделанный кусок свинины и нахмурился:

— В чём дело?

Мо Цзюцзюнь ударил судейским молотком и гневно уставился:

— В зале суда запрещено шуметь.

Мясник Чжу неохотно замолчал, покорно опустил на колени, бросил взгляд на всхлипывающую рядом хозяйку «Терема Хуахуа» и нахмурился:

— Господин уездный судья, это клевета! — Ткнул ножом для забоя свиней в сторону сводни, и его мужественное лицо несколько раз искажилось:

— Прошу вашу честь не верить словам этой старой сводни! Наша Чжу Чжу — самая лучшая, самая красивая и самая талантливая девушка во всём уезде Суюй, как она могла просто так отобрать у Чжан Хуахуа её пациента? Это точно Чжан Хуахуа несёт вздор, чистый вздор!

Матушка Хуа, вне себя от гнева, сказала:

— Эй, мясник, тебе совсем совесть не мучает? Твоей дочери уже немало лет, почему не сосватаешь её? Весь уезд Суюй знает — глаза высоко задрала, амбиции большие, хочет на высокую ветку забраться. С трудом встретила глупого золотого жениха, так тут же на него и кинулась. Не волнуйся, наша Хуахуа презирает таких неблагодарных волков...

— Заткнись! — Снаружи из ямы раздался гневный рёв, и в зал вошёл крепкий мужчина, не уступавший в степенности стражам уезда Суюй. На нём были роскошные одежды светло-чёрного цвета, руки заложены за спину, во взгляде сверкала энергия, плечи были широкие, спина мощная — это и был тот самый спасённый из воды золотой жених, богатый молодой господин.

Чай Цзыжань удивился:

— Цзинь Синь.

Вот уж действительно, враги неизбежно встречаются на узкой дороге! Вернее, беда не приходит одна. Этот парень наверняка пришёл мстить, но не дошёл до уезда Суюй, как его ограбили. И вправду, небеса справедливы.

Цзинь Синь гневно уставился на Чай Цзыжаня, но, видя, что это владения Мо Цзюцзюня, в душе негодуя, всё же не мог не считаться с положением хозяина, поклонился Мо Цзюцзюню:

— Приветствую, господин Цзюцзюнь.

Мо Цзюцзюнь кивнул:

— Не знаю, что внезапно привело господина Цзинь Синя в мой подведомственный уезд Суюй в гости?

Цзинь Синь изменился в лице:

— Думаю, господин Цзюцзюнь уже в курсе моих дел. Раз уж это место под управлением господина Цзюцзюня, прошу господина Цзюцзюня рассудить по справедливости.

Чай Цзыжань рассмеялся:

— Слышал, господин Цзинь Синь силён и в литературе, и в воинских искусствах, как же вас ограбили какие-то мелкие горные разбойнички, хе-хе-хе-хе.

Цзинь Синь почернел лицом:

— Господин Цзюцзюнь, ваш секретарь Цзыжань совсем не соблюдает правила, какое право он имеет вставляться, когда мы разговариваем?

Чай Цзыжань сделал вид, что не слышит, как Цзинь Синь его принижает, очень воспитанно вернулся на своё кресло, закинул ногу на ногу и, улыбаясь, уставился на него, словно наблюдая за прыгающим вверх-вниз шутом гороховым.

Цзинь Синя внутри уже распирало от гнева, а Мо Цзюцзюнь подлил масла в огонь:

— Секретарь Цзыжань хоть и служит у меня в уезде Суюй, работает на меня, но его отец — генерал-основатель, лично пожалованный нынешним Священным Императором, его старший брат — маркиз Синью, пожалованный Священным Императором. Как потомок столпов государства, я считаю, что секретарю вполне уместно вставляться в зале суда и по чувству долга, и по разуму. Не знаю, что господин Цзинь Синь находит неуместным.

Цзинь Синь громко фыркнул, злобно скосил глаза на Чай Цзыжаня, а тот по-прежнему улыбался безмятежно и радостно, отчего у Цзинь Синя внутри всё вскипело.

Стоявшая на коленях рядом Матушка Хуа крайне удивилась, ошеломлённо смотря на прижимистого и скупого Чай Цзыжана:

— Оказывается, у господина Цзыжана такое происхождение, я, Матушка Хуа, и вправду глаза проглядела.

Чай Цзыжань, ослабившись, нагло заявил:

— Не только ты, многие глаза проглядели. — Улыбаясь, взглянул на Цзинь Синя, снова его разозлив.

Цзинь Синь не смел тронуть Мо Цзюцзюня, не мог тронуть и Чай Цзыжана, и, чтобы вернуть себе лицо, косил глаза на Матушку Хуа:

— Ты, старая сводня, просто ненавистна! Осмелилась нести вздор, порочить мою и Чжу Чжу репутацию. — Его штанину слегка ткнули, он опустил голову и увидел, как мясник Чжу слёзно и жалобно на него смотрит, поспешил помочь подняться отцу своей спасительницы, а затем пнул рядом сидевшую на коленях старую сводню Хуа, гневно сказав:

— Подлая старуха, осмелилась городить чушь!

Цзинь Синь был тренированным воином, этот пинок совершенно не учитывал, что перед ним обычный человек, он сразу приложил восемьдесят процентов силы и отправил Матушку Хуа кубарем, та, схватившись за живот, начала всхлипывать.

Чай Цзыжань поспешно помог подняться рядом стоявшей Матушке Хуа, гневно уставился на него:

— Цзинь Синь, как ты можешь пинать людей?

Цзинь Синь презрительно сказал:

— Такая грязная старая тварь — и не человек вовсе.

— Ты...

Чай Цзыжань хотел продолжить ругаться, но Мо Цзюцзюнь резко ударил судейским молотком, нахмурившись:

— Цзинь Синь, в зале суда запрещено применять наказания по своему усмотрению. Ты при мне осмелился произвольно оскорблять и пинать беззащитную женщину — ты что, пренебрегаешь законами двора или считаешь меня, уездного начальника Суюя, пустой декорацией?

Чай Цзыжань, поддерживая Матушку Хуа, приподнял бровь:

— Я думаю, он и то и другое, просто пользуется тем, что его батюшка, генерал Хунмэнь, не здесь, и хочет покрасоваться мощью.

Цзинь Синь больше всего боялся своего отца и больше всего ненавидел, когда говорили, что он его боится, от стыда и гнева ему захотелось одним ударом раскрыть Чай Цзыжана. Мо Цзюцзюнь снова ударил судейским молотком:

— Ты избил сводню «Терема Хуахуа», а теперь хочешь избить ещё и моего секретаря? Кто дал тебе такое медвежье сердце и барсучью желчь? Неужели ты думаешь, что я, Цзюцзюнь, тебя,

Цзинь Синя, боюсь?

Матушка Хуа, закрывая живот, рыдала, услышав, что у всех троих здесь громкое происхождение, решила, прикусила палец, вымазала кровью уголки рта, ущипнула себя за бедро, закатила глаза и всхлипнула:

— Простая женщина умоляет Синего Неба Великого Господина рассудить за нашу Хуахуа! Этой девушке тысячу раз не следовало быть такой доброй, зря спасать людей, да ещё и быть униженной, какая несправедливость!

Чай Цзыжань, видя, как Цзинь Синь бросает острые взгляды, прикрыл собой Матушку Хуа, тихо сказав:

— Поменьше говори, тебе ещё жизнь дорога?!

Услышав это, Матушка Хуа тут же перестала рыдать, молча вытирая слёзы, выглядела жалко.

— Прошу уездного начальника и секретаря Цзыжаня выслушать Чжу Чжу. — Снаружи из ямы вошла стройная, изящная девушка в белом шёлковом платье, лицом похожая на чистый белый лотос, при приближении выглядела трогательно прекрасной.

Неприятное выражение лица Цзинь Синя при виде Чжу Чжу смягчилось, он сдержал вспыльчивый нрав, тихо подошёл к ней. Мясник Чжу, видя, что его дочь прекрасна, как цветок, и ещё получила покровительство богатого и влиятельного господина, в душе почувствовал гордость, радостно встал рядом с ней:

— Чжу Чжу, зачем ты пришла? Если нездоровится, отдыхай дома, не выходи просто так.

Чжу Чжу поддержала руку отца, вышла вперёд и сделала Мо Цзюцзюню изящный поклон:

— Простая девушка Чжу Чжу приветствует уездного начальника.

Мо Цзюцзюнь слегка кивнул:

— Что же произошло, расскажи всё по порядку.

Взгляд Чжу Чжу был лёгок, как вода, скользнул по Цзинь Синю, она невозмутимо сказала:

— Несколько дней назад как раз был день поминовения моей покойной матери, я одна отправилась совершить подношения, вдруг на извилистой горной тропе услышала конский топот. Любопытство погнало меня посмотреть, и я увидела, как яростный огненно-рыжий конь словно обезумел и понёсся в реку Суую. Хотя течение в реке не быстрое, яростный конь, погрузившись в реку, не всплыл на берег, а на берегу молодого господина медленно вынесло течением. Я взяла лежавший рядом бамбуковый шест и спасла его.

Цзинь Синь смотрел на Чжу Чжу, во взгляде таились радость и благодарность. Чжу Чжу, словно получив большое воодушевление, продолжила:

— Мой отец воспитывает меня очень строго, обычно не разрешает общаться с незнакомыми мужчинами. Я и волновалась за господина, и боялась, что отец будет ругать, поэтому оставила незнакомца господина в доме Хэбо. Я добросовестно ухаживала за незнакомым господином, ждала, когда он очнётся. — Смущённо и робко взглянула на Цзинь Синя.

Цзинь Синь, растроганный, сказал:

— Чжу Чжу, я не знаю, как отблагодарить тебя за твою доброту.

<http://bllate.org/book/15931/1423928>